

страхом"²²⁴. Потом, спустя годы, те, кто выжил, признаются: "Когда посмотришь на войну нашими, бабьими глазами, так она страшнее страшного"²²⁵.

Официальная российская историография предполагает, что общая численность женщин, вовлеченных в боевые действия на стороне СССР, составляет 800 тыс. чел.²²⁶

Таким образом, сложившаяся ситуация в стране по влиянием Великой Отечественной войны перераспределила занимаемые социальные положения женщин и мужчин. Это привело к освоению советскими женщинами новых и не привычных для себя до этого времени ролей: женщина-рабочий, управленец, общественно-политический деятель, ученый, солдат. Указанные изменения в общественной жизни женщин в СССР были продиктованы временем и трудной геополитической и экономической обстановкой сложившейся во время и после войны. Сложное военное время вынудило правительство взглянуть на женщин по-другому. Это время когда женщина начинает осознавать себя полноценной личностью, «продавливать» законодательную базу для решения своих задач, самореализовываться и самоутверждаться в общественной жизни общества. Начинает активно участвовать в экономической, общественно-политической и других сферах деятельности, как высококвалифицированный специалист.

Заметим, что несмотря на то, что отношение женщины к основным жизненным ценностям не претерпело существенных изменений (ими остаются семья, дети, домашний очаг), приходит новое понимание роли женщины в обществе, как основного человеческого потенциала. Совершенство женщины заключается в гармоничном сочетании ею производственных, общественных и семейно-бытовых ролей.

Н.С. Журавлева
Златоуст

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ УРАЛ

На протяжении нескольких веков Уральский край расценивался исключительно как промышленный регион с богатой сырьевой базой и разноликим горнозаводским населением. Вопросам культуры Урала не уделялось практически никакого внимания. К примеру, показательно, что еще в 1920-е гг. многие партийные и государственные деятели считали, что до Октябрьской революции Урал вообще не был литературным краем, а серьезными писателями признавались лишь Д. Н. Мамин-Сибиряк и Ф. М. Решетников²²⁷.

Зарождение "настоящей" литературы на Урале многие советские исследователи датировали серединой 20-х гг. XX в. и связывали с творчеством А. П. Бондина и П. П. Бажова, чей "почин подхватила комсомольская и учащаяся молодежь..."²²⁸.

Однако мы не можем согласиться с утверждением об отсутствии литературной жизни на Урале до революции. С этим краем еще до 1917 г. были связаны десятки имен известных поэтов, критиков, писателей (В. А. Жуковский, М. Е. Салтыков-Щедрин, В. Г. Короленко и др.). Через Урал долгие годы шли мощные переселенческие потоки. Здесь также проживали многие политические заключенные. Все это, безусловно, стимулировало развитие литературного процесса в крае.

И все-таки, несмотря на значительные достижения дореволюционного Урала, как в промышленности, так и в культуре, именно в советское время меняется статус нашего края. Благодаря начавшейся в 1930-е гг. индустриализации Урал превращается в «опорный край державы» (А. Твардовский). Руководство страны придавало большое

²²⁴ Станиславская Е.С. Указ.соч.

²²⁵ Алексиевич С. Указ.соч. с.61.

²²⁶ Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. - М., 2002. с.256.

²²⁷ Тезисы доклада Уральского обкому ВКП (б) о пролетарском литературном движении на Урале (ноябрь 1929) // ГАСО. Ф-1616. Оп. 1. Д. 3. Л. 57.

²²⁸ Ладейщиков А. Развитие литературы на Урале за 30-летие (1917-1947) // Уральский современник. - 1947. № 11. - С. 280.

значение созданию единой хозяйственной области, которая должна была объединить горнометаллургическую промышленность Урала и Кузнецкий каменноугольный бассейн. Урало-Кузбасс должен был стать экономическим фундаментом нового государства.

Предполагалось, что Урал также сыграет особую роль в становлении новой советской культуры и, в частности, в создании социалистической литературы. Требования к такой пролетарской литературе в свое время были четко сформулированы в обращении рабочих завода им. Калинина: «Нам нужна литература понятная и доступная миллионам рабочих и крестьян, ...разносторонне освещающая их борьбу на фронте социалистического строительства, все стороны их жизни и быта...; литература, содействующая переделке человека, о которой неоднократно говорил В.И.Ленин»²²⁹.

Появление такой новой литературы и культуры в целом происходило поэтапно под руководством коммунистической партии. Ближе к середине 20-х гг. стали заметны первые результаты. В частности, на Урале восстановление экономики сочеталось с серьезными переменами в развитии культуры. В крае был организован Коммунистический университет, открыт его рабфак, росли кадры рабкоров, шло «внутреннее накопление литературно-творческих сил в рядах уральских рабочих»²³⁰. Не случайно, в 1925 г. начался новый этап в развитии литературных объединений Урала. Его своеобразными символами стали кружки «Словострой» при рабфаке комвуза и «Самотвор» при педагогическом техникуме, а также ряд литературных кружков при Пермском университете и на некоторых уральских заводах.

Деятельность многих уральских творческих группировок в 1925 г. также свидетельствовала о наступлении качественно новой эпохи в жизни страны, в развитии литературы. Это выразилось, прежде всего, в серьезных изменениях социального и возрастного состава участников литературных кружков. «Новые» кадры постепенно вытесняли «старых» специалистов. В основном, это были представители рабочего класса и трудового крестьянства, как правило, еще не успевшие получить законченного образования. В этой связи для творческих организаций все более актуальными становились вопросы литературной учебы. Самые способные из начинающих авторов получали возможность дополнительного образования в столичных вузах, а также поддерживались иными способами (решение жилищного вопроса, трудоустройство и пр.).

Тематика публикуемых произведений также претерпела серьезные изменения. Романтический настрой и пафос первых послереволюционных лет уступал место отображению социалистической действительности. Даже тема природы, традиционная для отечественной литературы, уже не приветствовалась. «Природа – это не фундамент, а полотно, на котором можно рисовать картины труда и быта строителей страны»²³¹, – утверждали литераторы, объединившиеся вокруг златоустовской газеты «Пролетарская мысль». Советская литература нуждалась в стихах, «которые бы затрагивали нутро рабочего». Политическая выдержанность признавалась ведущим критерием оценки качества произведения. Так, первый сборник Златоустовской АПП «На путях к победам» (1930) о роли комсомола в организации ударных бригад, несмотря на существенные недостатки (неряшливость языка, штампованность выражений и образов, схематизм) признали удачным именно из-за верной политической направленности²³².

В конце 1920-х гг. появились литературные коллективы, ориентированные на пролетарскую эстетику. Неприятие ценностей буржуазного мира, потеря самобытности и регионального колорита, формирование четкой организационной структуры делало большинство этих объединений похожими друг на друга. Место небольших локальных литературных кружков заняли многолюдные коллективы, ведущей формой существования которых стала ассоциация – объединение организаций для осуществления какой-либо

²²⁹ Цит. по: Боголюбов К. 15 лет. Очерк о литературной жизни на Урале // Штурм. – 1932. № 11. – С. 120.

²³⁰ ГАСО. Ф. Р-1616. Оп. 1. Д. 3. Л. 59.

²³¹ Пролетарская мысль. – 1927. – 11 декабря.

²³² Боголюбов К. Указ. соч. С. 118.

совместной деятельности, имеющее четкую организационную структуру. На Урале роль такого административного центра играла Уральская ассоциация пролетарских писателей (УралАПП).

Однако в середине 20-х гг. еще был возможен плюрализм мнений, и наряду с УралАПП существовали творческие коллективы иной направленности, хотя их становилось все меньше. В большинстве же литературных групп в этот период доминировала пролетарская идеология. Типичным примером такой “правильно” ориентированной литературной группы являлся златоустовский “Мартен”. В отличие от многих других объединений, в него изначально вошли рабочие. Так, в момент создания (февраль 1927 г.) из 40 членов только 5 – 7 не были задействованы на производстве. За исключением работы в литературно-техническом журнале “Маховик” (1923 – 1926), многие из них не имели ни писательских навыков, ни организационного опыта. “Мартен” стал первой подобной организацией в городе, поэтому здесь фактически отсутствовало противоборство с непролетарскими группировками.

Создание этой литературной группы при редакции газеты “Пролетарская мысль” во многом было вызвано потребностью начинающих авторов в получении профессиональной помощи. Для этого же создавались литературная консультация и “литературная страничка” в самой газете. Рецензирование произведений, присланных в редакцию, стало основным направлением деятельности коллектива. Так, автору “Посвящения предателю Чан Кай Ши” заслуженно посоветовали писать более благозвучно, не гоняясь за рифмой: “Мы 1 мая, товарищи, / Должны заявить Чан Кай Ши, / Что ты наш изменник, предатель, / Походишь на кислые щи”²³³.

Как правило, критика произведений была достаточно обоснованной. В целом, произведений, годных к печати, было очень-очень мало. Многим авторам остро не хватало общей культуры и подлинного мастерства, обрести которое в процессе литературной учебы оказалось невозможно. Не случайно, творческие задачи в работе литературных объединений все чаще стали отодвигаться на задний план, а в качестве первоочередных провозглашались “орабочивание” состава организаций, борьба за выполнение промфинплана, участие в коллективизации и т. д.

Проблема “орабочивания” состава ассоциаций пролетарских писателей всегда стояла очень остро. В частности, в 1926 – 1929 гг. в УралАПП рабочие авторы составляли лишь 18%. Руководство РАПП отвергало помощь т. н. “попутчиков”, наделяя правом писать для рабочих исключительно представителей этого класса. И лишь после постановления о призыве ударников в литературу 1930 г. дело сдвинулось “с мертвой точки”. Отныне при вступлении в РАПП предпочтение отдавалось трудящимся, занятым на производстве. Тем самым рапповцы надеялись оживить литературное движение. Но фактически это обернулось резким увеличением численности членов организаций за счет малограмотных рабочих, имеющих отдаленное представление о вопросах творчества.

Однако были и талантливые исключения. Например, творчество строителей Магнитогорского комбината Б. Ручьева и А. Авдеенко было известно далеко за пределами Урала. Во многом примечательна судьба последнего. Машинист А. Авдеенко в 1933 г. опубликовал в Москве роман “Я люблю”. Роман пережил несколько изданий, в том числе переводился на ряд европейских языков. Произведение во многом было автобиографично и посвящалось строительству Магнитогорского комбината. Этот первый дебют автора был высоко оценен мэтром советской литературы М. Горьким, с которым у А. Авдеенко сложились дружеские отношения. После публикации романа А. Авдеенко вошел в число крупнейших советских литераторов и получил почетное право выступить с трибуны Первого Всесоюзного съезда писателей (1934).

Однако такие примеры единичны. По большому счету, в результате осуществления директив РАПП “новый поэт” так и не появился, хотя некоторых из рабочих стали

²³³ Пролетарская мысль. – 1927 – 18 фев.

печатать довольно часто. Знакомясь с литературными страницами и местными сборниками тех лет, нельзя не заметить, что зачастую авторы были недостаточно грамотны, что язык их произведений был невыразителен. Даже людям, далеким от литературы, становилось очевидно, что простой численный рост литературных организаций, которые к тому же вели между собой ожесточенную борьбу, не мог привести к рождению нового писателя.

Часть деятелей культуры в центре и на местах винили во всех бедах руководство РАПП. Но на наш взгляд, такой подход не совсем точно отражает природу того кризиса, который переживало литературное движение на рубеже десятилетий. В его основе лежал огромный комплекс причин, большинство из которых было связано с особенностями социально-экономической, политической обстановки в стране, с особенностями духовной атмосферы, утвердившейся в обществе, со спецификой состава большинства литературных группировок.

Несмотря на очевидность этого кризиса, многие исследователи датировали “призывом ударников” второй, качественно новый этап в развитии советской литературы Урала. Его олицетворением стал “Магнитострой литературы”, под которым подразумевалось “создание мощной, передовой литературы, достойной нашей грандиозной эпохи”²³⁴. Это означало новый канон в искусстве, незывлемый художественный метод, получивший наименование социалистического реализма – правдивого, исторически конкретного изображение действительности в ее революционном развитии.

В ходе форсированной индустриализации в СССР особое значение придавалось стройкам-гигантам. Одним из самых крупных в мире предприятий черной металлургии стал Магнитогорский металлургический завод. В 1930 г. ЦК ВКП (б) принял постановление о строительстве этого комбината, положившего начало созданию и городу Магнитогорску. Возведение этого гиганта на Урале стало делом практически всей страны. Развернулось социалистическое соревнование за ускорение темпов и высокое качество выполнения заказов. Создание в городе литературной группы во многом было обусловлено потребностью в расширении агитации за скорейшее строительство завода, поэтому коллектив этой группы сразу же оказался под плотным партийным контролем.

В отличие от литературных организаций Свердловска, Челябинска, Златоуста и Перми, возникших еще до “призыва”, магнитогорская группа пошла своим путем. Специфическая черта ее формирования заключалась в отсутствии исторического и культурного опыта прошлого. Коллектив создавался практически с “нуля”. Творческим организациям Магнитки было столько же лет, сколько самому городу и заводу. Как следствие, советская культура здесь зародилась с “чистого листа”, не вступая в традиционное противоречие с достижениями старой дореволюционной культуры.

При газете “Магнитогорский рабочий” в сентябре 1930 г. возникла литературная группа “Буксир”. В ее состав вошли 5 начинающих писателей с производства и 26 служащих. Спустя год коллектив имел в своем составе до 60, а в 1932 г. – уже 150 чел., преимущественно рабочих²³⁵. Группу вплоть до репрессий в 1937 г. возглавлял В. А. Макаров, который и создал новый творческий коллектив по поручению горкома партии.

Вскоре “Буксир” получил статус литературной бригады им. Горького: бригадами стали называть рожденные “призывом” творческие коллективы. Они включились в работу газет, стенгазет, многотиражек, инициировали создание литературных бригад на отдельных участках завода²³⁶. Вскоре последовало преобразование “Буксира” в МагАПП, что объяснялось малочисленностью рабочих, отсутствием широкой массовой работы, “чрезвычайно” низким уровнем политической, общей и литературной грамоты.

²³⁴ За Магнитострой литературы. – 1932. № 1. – С. 3.

²³⁵ Боголюбов К. Указ. соч. С. 119.

²³⁶ Превратить первые сдвиги в решающую победу // Штурм. – 1932. № 2-3. – С. 134.

Реорганизация литбригады означала “поворот от маленькой группы, кружка – к широкой массовой организации”²³⁷. В итоге она объединила 9 кружков (150 чел.).

Таким образом, в начале 30-х гг. именно на промышленных предприятиях Урала, стройках-гигантах литературное развитие края получило качественно новый импульс для своего развития. Здесь были представлены наиболее интересные в идеологическом и творческом отношении литературные группы. По мнению крупного советского литературоведа Н. К. Пиксанова²³⁸, которое мы в целом разделяем, в 1920–1930-е гг. Урал стал одним из новых центров литературного движения страны.

В.А. Журавлева, Л.А. Ковалева
Златоуст

СОЗДАНИЕ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ДЛЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В УРАЛЬСКИХ ГОРОДАХ В 20–30-е ГОДЫ XX В.

Главную, определяющую роль в динамике численности городского населения в 20–30-е гг. XX в. играла смертность. На Урале в начале 20-х гг. был зафиксирован отрицательный прирост населения. Причем общий для СССР процесс убыли населения принял на Урале более тяжелые и затяжные формы. В целом по Советской России убыль населения приостановилась уже в 1920 г., а с 1921 г. начался процесс его роста. По Уральскому региону снижение численности населения продолжалось до 1924 г. и только в 1926 г. число жителей края превзошло показатели 1920 г. В результате по СССР за 1920–1925 гг. население выросло на 8207 тыс. чел. или на 6,2%; по Уралу, наоборот, уменьшилось на 255,8 тыс. чел. или 4,1%²³⁹.

Аналогичная ситуация сложилась и с городским населением. По Всероссийской переписи 1920 г. на Урале проживало 1243197 горожан, на 1 января 1924 г. их насчитывалось 1134517 чел. (убыль составила 8,8%), а 1 января 1925 г. — уже 1206877 чел., то есть был отмечен небольшой рост. По переписи 1926 г. в крае проживало 1407074 горожан или на 13,2% больше, чем в 1920 г.²⁴⁰ Наибольшее сокращение горожан наблюдалось в Челябинской губернии. Если за период между первой советской переписью населения 1920 г. и Всесоюзной городской переписью 1923 г. число горожан в целом по Уралу уменьшилось на 12,7%, то по Челябинской губернии — на 16,8%²⁴¹.

Причинами колоссальной убыли населения в начале 1920-х гг. стали войны и санитарно-гигиенические их последствия, глубокие социально-экономические и политические преобразования в стране, состояние городского хозяйства и медико-санитарное обслуживание населения, общая культура горожан²⁴². Послевоенное положение в Челябинской губернии еще более усугублялось чрезвычайным скоплением на станциях края, особенно на вокзале Челябинска, громадного количества голодных беженцев и переселенцев, насчитывавших к концу 1921 г. около 34 тыс. чел. Среди них в условиях чрезвычайной скученности и антисанитарии свирепствовала голодная и эпидемическая смертность²⁴³. Все перечисленные выше обстоятельства привели к

²³⁷ За Магнитострой литературы. – 1932. № 1. – С. 3.

²³⁸ Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. – М., Л. 1928. – С. 17.

²³⁹ Лебедев Ф. Население Уралобласти // Хозяйство Урала. 1925. № 5–6. С. 121.

²⁴⁰ Уральское хозяйство в цифрах, 1926 год: Краткий статистический справочник. Свердловск: Уралоблстатуправление, 1926. С. 7.

²⁴¹ Подсчитано по: Уральский статистический ежегодник на 1923 г. Екатеринбург: Изд-е УралоблЭКОСО, С. 28–29.

²⁴² См.: Нарский И. Канализация хаоса и хаос в канализации: Санитарное состояние уральских городов в послереволюционной России // Родина. 2001. № 11. С. 74–77.

²⁴³ Отчет Челябинского губернского экономического совещания Совету Труда и Оборона, апр.–сент. 1922 года. Челябинск: Тип. Губсовнархоза, 1922. С. 208.